

צה"ל ואני - גרסה רוסית - Мое знакомство с Израильской Армией

Мое знакомство с Израильской Армией

Лене Эпштейну

Мое первое знакомство с Израильской Армией состоялось в феврале 1973 года, когда я явился на сборный пункт в Яфо для прохождения укороченной срочной воинской службы. Два предварительных визита в призывной центр в том же Яфо для постановки на учет и медосмотр - не в счет. С понятием «призыв второй степени» на армейском жаргоне я познакомился позже, но его содержание четко выразилось в составе группы новобранцев, в которой я очутился: из полусотни самцов не первой молодости - от 23 до 40 - три четверти были новоприбывшие «репатрианты» и четверть - местные - как это поосторожней выразиться - не самого высокого социального статуса. Эти последние - начиная от явно уголовных личностей, до особей с признаками легкого умственного отставания.

«Репатрианты» же были: два американца - обоим за тридцать, а остальные - «русские» - т.е. приехавшие чуть больше года назад из всевозможных частей, тогда еще многонационального и нерушимого Советского Союза. Прибалтика и Грузия доминировали, хотя были представлены и Украина и Молдова и Средняя Азия и даже Москва. Кроме нескольких, включая меня и обоих «американцев», знание иврита у всех было на самом начальном бытовом уровне - т.е. недостаточном, скажем, чтоб заполнить анкету или прочесть вывески и объявления на стенах Центральной Базы Приема и Сортировки Тель Хашомер, куда нас привезли из Яфо на автобусе - полчаса езды в те, еще допробочные времена. У американцев иврит был получше, потому что они были в стране уже года три - четыре и оттягивали свой призыв, а у меня - благодаря трем с половиной томам учебника «Элеф Милим», которые я выучил наизусть в течение трех лет до приезда.

Все ли из «местных» умели читать, я не знаю, но от них можно было почерпнуть выражения из армейского и штатского сленга, а также этнические акценты, особенно - сейчас уже практически исчезнувшие - йеменитский и марокканский. По размышлению должен признать, что кое какое особое знакомство с Израильской Армией у меня состоялось еще раньше, за год до призыва, т.е. месяца через два после приезда. Тогда я попал на семимесячные программистские курсы, которые проводил для новоприбывших Отдел Обучения Вычислительного Центра Армии (в свободном переводе). Занятия проводились офицерами и солдатами этого отдела. Этот вычислительный центр (т.н. Мамрам) был первым в Стране внедрителем и рассадником цифровой цивилизации, так что знаменитые хай-технологические части, а впоследствии и старт-апы вышли из него. Конечно, качество человеческого материала наших инструкторов было изрядным, но тогда, каких-то полгода спустя, как я покинул МГУ, я не придал этому значения. Только после я обратил внимание на сортировочный тест, которому подвергались призывники в процессе медосмотра. Это была та знаменитая сортировка «по группам качества», определявшая дальнейшую

карьеру призывника - кому на летные курсы, а кому в обоз. Судя по тому, как развивались события, нам всем (второ-ступеньчатым) было назначено в обоз. Кстати, для приема в Мамрам кандидаты подвергались еще одному тесту – Programmer Aptitude Test, который проводила IBM - в то время - синоним компьютеров. Я прошел его для поступления на курсы, но поскольку это было формально не в рамках армии, то для моей армейской карьеры это значения не имело.

В Яфо мы явились по повестке - к семи утра, часов в восемь уже были в Тель Хашомере, а где то часу в девятом вечера я услышал (и понял), что обсуждается вопрос - не распустить ли нас всех по домам, с тем чтобы мы явились утром для продолжения «приема и сортировки». Что касается этого самого приема, то за весь день с нами было проделано три приемно-сортировочных действия.

Во-первых, из всей полсотни новобранцев отобрали и постригли человека три длинноволосых... Напомню: то было время Битлз и Роллинг Стоунз, с гривами и бакенбардами, но большинство, кроме троих упертых, постриглись заранее дома. Соображая задним ходом, думаю, что явившиеся длинноволосые, «не видели себя в армии», и рассчитывали от нее в итоге отвертеться, что им, весьма вероятно, удалось... но - без гривы.

Во-вторых нам дали заполнить какие-то анкеты в бараке, в большой комнате без единого стула с окошком, в которое эти анкеты полагалось сдавать. Не помню, как это было организовано и было ли организовано вообще... Анкеты приходилось заполнять, стоя у высокого стола в центре комнаты, изрезанного и заляпанного чернилами. Одна деталь привлекла мое внимание: на столе и на полу вокруг валялось множество одинаковых бланков, величиной примерно 10 на 4 сантиметра, с отпечатанным стандартным текстом - еще одна форма, которую заполняли, подписывали и сдавали в окошко. Я поинтересовался, что это за форма. Поднял, прочитал: это был текст Воинской Присяги Армии Обороны Израиля, с дополнительной строчкой для личных данных, даты и подписи. Из-за нестандартного маленького формата (какой-то армейский умник решил сэкономить бумагу) ее выдавали стопками, которые легко разбрасывались по столу и помещению, и никто не заботился их собирать. Никто не обращал на это внимания. Все равно, большинство не понимали, что за документы они подписывали.

Третье и последнее мероприятие за весь долгий день - был поход в столовую на обед. Шли, как были, в штатском, без строя, под водительством какого-то случайного сержантика. По дороге в столовую мне довелось быть свидетелем стычки между двумя то ли сержантами, то ли офицерами невеликого звания и познакомиться с несколькими выражениями из армейского лексикона:

- Так ты отказываешься? (т.е. исполнять приказ

- А кто ты такой, чтоб мне приказывать?

- Дай мне твои (личные) данные!

И так далее.

«Уровень дисциплины» - подумал я. Впрочем, в те дни отсутствие «внешней дисциплины» и чинопочитания в Израильской Армии было позитивной частью популярного после Шестидневной Войны заграницей мифа.

Все остальное время мы сидели в большом помещении на стоящих рядами стульях и ничего не делали. Была у меня, наверно, книжка, так что я старался не скучать.

Начальство (если было там такое, я не видел) после того, подслушанного мной разговора, решило нас не распускать и уже за полночь нас погрузили в крытые брезентом грузовики, как мы были - в штатском, с котомками из дома.

Грузовики, кстати, были советские, Горьковского автозавода, из трофеев Шестидневной Войны, немногие, которые удалось содержать в рабочем состоянии. Сотни таких - бесконечные ряды грузовиков, танков, бронетранспортеров, стоящих без пользы - можно было видеть, проезжая по шоссе, на пустырях, прилегающих к аэродрому в Лоде.

Никто ничего не объяснял. Выглядывая из-под брезента, по пролетающим ночным приметам, и по тому, что вскоре дорога стала подниматься в гору я заключил, что едем в сторону Иерусалима. Утром, когда я вышел из дома, был теплый февральский день, кроме рубашки на мне была тужурка из легкой материи. Ночью в дороге стало довольно холодно. Минут через двадцать пошел дождь, начал захлестывать в щели и прорехи брезента, так что, когда час спустя нас высадили в неизвестном и темном армейском лагере, я уже дрожал от холода - промокший, на ветру. Под дождем нас повели на импровизированный «ужин» в бараке - столовой, с грязными лужами на полу, холодными вареными яйцами, черствым хлебом, стручками зеленого лука и холодным чаем. Слышал, как кто то по-русски сказал: «смотри, он вытирает столы, той же шваброй, которой разгонял лужи на полу».

После ужина нас повели в «жилое помещение» - длинный барак, с лужами на бетонном полу, по которым гонял волны ветер, пробивающийся в щели неплотно закрытых окон и дверей.

По бокам были ряды двухэтажных коек, узких и коротких, из какого-то сомнительного металла, покрашенного серебряной краской, выглядящих крайне ненадежно. Если кто то залезал на верхнюю, все сооружение подозрительно раскачивалось и грозило развалиться. Впоследствии мы узнали, что на армейском жаргоне их называли «сирийскими» - тоже трофейные, а подрядчик сирийской армии, видимо, добыл их задешево, распилив отведенный бюджет.

Только тут явился и обратился к нам с речью какой-то дежурный командир. Извинился - пожаловался, что «нас не ждали», объяснил, что мы находимся на знаменитой, как потом оказалось, «Базе Обучения Новобранцев номер четыре» (Бахад арба) в Бейт-Эле, недалеко от Рамаллы, и что скоро принесут одеяла, а остальной прием начнется утром. Был, наверно, четвертый час утра. Через какое-то время принесли связки шерстяных одеял разной степени влажности - от таких, что нужно было выжимать, до умеренно влажных. Получив четыре мне положенных одеяла и кое как завернувшись в них на раскачивающемся при всяком движении сирийском ложе, я постарался уснуть, и, видимо, наконец мне это удалось. Продрав глаза уже при свете раннего утра, я увидел, что все окна обледенели, а снаружи все было бело от выпавшего за ночь густого снега.

Оказалось, что из-за тяжелого снегопада лагерь «отрезан от остального мира». Чтобы добыть воду для питья и чая собирали снег, а о том что делалось в «туалетах» лучше не вспоминать. Минусовая температура не давала снегу и льду растаять. Это продолжалось неделю.

Наконец, чуть позже в то первое утро, явился полковник - начальник лагеря. Он также извинился - пожаловался, сказал короткую вдохновляющую речь, объяснил, что мы здесь пройдем курс новобранцев в течение месяца, а потом направимся в другие места для завершения срочной службы. Для меня это было три месяца всего. Завтрак был не более аппетитный, чем ужин. После этого мы пошли экипироваться. Штанов, которые бы на мне застегивались доверху на меня не нашлось, так что до конца моей «срочной службы» я расхаживал в штанах, застегнутых до половины, сверху укрепленных ремнем и прикрытых для приличия гимнастеркой навыпуск. Солдатского бушлата на меня тоже не нашлось, но порывшись в закромах, кладовщик нашел для меня совершенно новую длинную английскую шинель. На ней были две фирменных бирки. На одной значилось - «Design 1939», на другой - «Tailored 1942» .... Через восемь месяцев, во время Войны Судного Дня в комплект к этой шинели мне досталась и замечательная английская каска – плоская такая, какие мы видим на снимках Первой Мировой. Но не буду забегать вперед.

Как я страдал там от холода в ту незабвенную неделю, посреди заснеженных Ефремовых Гор, я не страдал нигде, ни до ни после. Самое болезненное было то, что не было спасения. Ну, холодно тебе на морозе, ну, час, два, три..., но потом приходит спасение - печка, теплое помещение, теплый тулуп, горячий чай... Здесь же спасения не было - час за часом, день за днем, неделю...

При выдаче снаряжения мы познакомились с еще одним армейским понятием - «арабский узел». Это вот что. Вообще то солдату в Израильской Армии для ношения солдатского, не личного скарба полагается большой крепкий мешок с ремнем для ношения, который называется китбэг. Но тратить такие замечательные мешки на нас «второ-ступеньщиков» интендантскому начальству было жаль, и поэтому нас обучили этому приему, изобретенному каким-то безымянным гением, видимо, еще во времена Мандата, Первой Мировой, а может и раньше. Так вот - на полу (земле, песке, в пыли) расстилается одеяло - одно из тех четырех положенных. На него сваливается весь полученный под расписку солдатский скарб - каска, боевой пояс с подсумками, фляга, котелок (мэстинг по-армейски), индивидуальный пакет, обоймы с патронами, три оставшихся одеяла и все остальное. Часто такой display используется кладовщиком, чтоб проверить наличие и взыскать расписку получателя. После этого две пары противоположных углов расстеленного одеяла связываются крест накрест, и «арабский узел» готов. Сейчас его можно взгромоздить на плечи - вместе с винтовкой и сумкой,

принесенной из дома, - и так есть неплохой шанс благополучно донести все от склада куда нужно - в казарму, в палатку, к поджидающему автобусу или грузовику, иногда километр - полтора...

Оружие нам тоже выдали в тот день. Это были так называемые «чешские винтовки» - немецкие пятизарядные «затворные карабины» Mauser образца 1889 года, бывшие на вооружении Вермахта во Второй Мировой, и купленные в 1948 только что сформированной Израильской Армией у Чехословакии, как видно, с молчаливого согласия Сталина. На каждой из этих винтовок был выгравирован нацистский орел, и только свастика внутри венка в его лапах была забита заботливым зубилом еврейского оружейника. Снова забегаю вперед: вплоть до Войны Судного Дня это было основное оружие пехоты в Израильской Армии. Кроме него были, конечно, бандитские автоматы «Узи», в основном у командиров, а так же бельгийские полуавтоматические винтовки FN, которых никто не хотел из-за сложности их сборки - разборки и ненадежности при стрельбе.

Настоящие assault rifles – американские M16 - появились только после начала Войны Судного Дня, и то, конечно, не у всех. У уважающих себя командиров были обшарпанные Калашниковы, а у нас - солдатни - те же «чешские» винтовки - в ивритском просторечии - «чехи». Впрочем раз, на Синае, мне достался карабин SKS - тоже ужасно обшарпанный. Так вот, в ту первую промерзшую неделю мы в основном сидели в бараке и занимались сидячими «предметами» - «устав», если можно так назвать нехитрый свод армейских правил, разборка и сборка того же «чехи» (впрочем Узи и FN тоже проходили), первая медицинская помощь и т.п. Тут мы впервые познакомились с командирами нашего обучения. После армейских писарей, дежурных по лагерю, кладовщиков, работников столовой, с которыми мы имели дело до тех пор, это были первые нормальные ребята. Один был - младший лейтенант - командир отделения, и три сержанта - «маким» - командиры взводов – инструктора Базы Обучения. В оставшиеся три недели нашей новобранческой подготовки они гоняли нас по скалистым склонам Ефремовых Гор - ходить в атаку, ползком искать укрытия, в случае, если по тебе неожиданно открыли огонь, маршировать на плацу - ну, самую малость, бегать и прыгать на спортивных занятиях, стрелять по мишеням на стрельбах и метать гранаты. За все мои двадцать два года знакомства с Израильской Армией только в тот месяц подготовки новобранцев, от нас требовали соблюдения каких-то внешних правил - обращение к командиру, стойка на вытяжку, отдавание чести и т.п. Тем не менее, именно эти ребята выглядели и вели себя «нормально». Во всем остальном, кроме собственно обучения, - посещения склада, оружейной, медпункта, дежурстве на кухне - царил такой же бардак, в котором проходил наш призыв. Например, прийти за чем то на склад и прождать кладовщика, который «пошел на обед» полтора часа, было нормой.

Надо сказать, что мне потребовался немалый сионистский заряд, чтобы как то переваривать эту неприглядную действительность. У большинства моих товарищей по службе такого заряда не было и в помине, и потому поношения, глумление, издевки над всем что происходило с нами и вокруг нас, с обобщениями насчет всей Армии, Страны, ее правительства и народа, в основном по-русски, слышались вокруг с утра до ночи. Местные как то вписывались в эту среду, а оба американца - по-видимому от того что были постарше и с большим стажем в Стране, сохраняли иронический скептицизм ко всему происходившему. Один из них, отслуживший уже в Американской Армии, повторял: армия? – hurry up and wait - дело известное....

И вот наступил предпоследний день нашего пребывания в Бахад Арба. С утра объявили, что вечером будет проведена церемония принятия присяги. У меня, уже сообразившего, что присягу то мы все уже «приняли» - в той самой замызганной, замусоренной комнате в Тель Хашомере, это вызвало легкое удивление. Однако принять участие в этой процедуре мне не пришлось - когда все, в более или менее приличной рабочей форме (а парадной формы нам, второстепенщикам не полагалось), с вычищенными винтовками, собрались на выход, чтобы ехать куда то на церемонию, меня оставили «охранять жильё». Кстати этот порядок был постоянным - куда бы ни шло отделение - в столовую, на учения - одного дежурного назначали «сторожить жильё».

Не знаю где, как и кто проводил ритуал присяги - по моим подсчетам это не могли быть известные места, такие, как Стена Плача, Гора Херцля, Масада - хотя и вокруг, в Горах Ефремовых, было полно впечатляющих пейзажей, особенно на фоне заката..., но все поголовно, включая отъявленных ругателей, антисионистов и разгильдяев, вернулись откровенно оглушенные и растроганные прошедшей церемонией, бережно сжимая в руках черные томики Танаха армейского образа, полученные по ходу дела там. Помнится, как один - парень лет сорока, пряча Танах в сумку, смущенно говорил: ну, что уж я, вот сын мой будет читать.... Назавтра, кроме обычных сборов, включая возврат снаряжения, обычно травматического, была «заключительная беседа» с нашими командирами, первая такая, в которой каждый из говоривших, рассказывал кое что о себе и своем опыте. И вот, все вчерашние хулители и бузотеры, мне кажется, вполне искренно, в один голос хвалили наших командиров, не забывая поругать сопровождающий бардак.

На оставшиеся два месяца моей срочной службы я попал в удивительное место. В моем направлении было сказано: Полиция Кнаан. Где это и как туда добираться пришлось выяснять самостоятельно. Кнаан - это Ханаан в ивритском варианте, но есть и гора Кнаан, на ее склоне над озером Кинерет (Генисаретским) расположен город Цфат. Полиция Кнаан - это обширная постройка - крепость своего рода по образцу английского инженера Тэггарта, - на склоне горы Кнаан, над Цфатом, у подножья ее вершины - Бирия. Половину здания занимала областная полиция и суд, а другую - армия, включая штаб Галилейской Дивизии. Вот туда я и прибыл в распоряжение Старшего Сержанта Лагеря и был назначен на кухню на мойку посуды.

Ну, во-первых - это была Весна в Галилее - воспетая и благословленная - она была великолепна.

Во-вторых - вслед за Горами Ефремовыми Армия показала мне Галлилею и Кинерет и Голаны, а по дороге - Езреельскую Долину и Кармель. Мое первое знакомство со Страной произошло благодаря Армии. В третьих - опыт службы на самых непрестижных должностях оказался интересным и поучительным. Мой пост был на кухне, на мойке посуды - то что называют «в подлодке»: две комнатухи - ниши на кухне - мясная и молочная, где и происходил процесс мойки. «Подлодка» - видимо потому, что там ты все время мокрый. Столовая на двести человек, завтрак, обед и ужин, еще «спец обслуживание». Иногда мест не хватает и устраивают вторую смену... Все это перемыть, а еще и мега-кастрюли, противни, сковородки, миксеры индустриального образца... Горячей воды не было, надо было нагревать на газе в громадных кастрюлях.... Там я получил первый опыт и урок того, что называется «teamwork», и он впоследствии был мне очень полезен в профессии. Кухня и столовая на этой базе оказались самыми чистыми, качественными, кулинарно совершенными и упорядоченными из всех, которые мне пришлось увидеть за последующие 22 года знакомства с Армией. Это достигалось частыми очень строгими проверками и смотрами на всех уровнях - начиная с отделения а за ним ротного, полкового, дивизионного, окружного... Так что получалось, что по крайней мере раз в неделю полночи, мы чистили и драили печи, плиты, холодильники, шкафы, посуду. Ничего подобного в армейских столовых я больше не встречал. Кроме того, это было по моим понятиям довольно коррумпированное

заведение - начиная с того, что в постоянном штате было по крайней мере вдвое больше людей, чем было нужно, так что каждый постоянный сотрудник, половину времени был дома. Нас, гост-арбайтеров, это, конечно, не касалось. Заметным событием за время моей службы на этой базе было такое. Однажды, часов в девять вечера в комнату к уставшим мойщикам посуды ввалился старший сержант по лагерю: ты, ты, ты и ты, надеть форму и со мной в машину! Небольшой армейский грузовик (командкар) повез нас вниз по дороге на Восток, проехал Рош Пину и стал взбираться на Голанские Высоты. Где то в середине плоскогорья, под покровом темноты остановились - шикарный лунный вид на озеро Кинерет, Галлилейские Горы, огни Теверии, Цфата, селений Иорданской Долины и Верхней Галлилеи... Вышли, и в темноте стали пробираться куда то через заросли бурьяна и колючего кустарника. Через пару десятков метров набрали на заросший бурьяном окоп, а в нем - советский 120 миллиметровый миномет - цель нашего похода. Его то мы под руководством сержанта подняли, потащили и погрузили в командкар. Дорога обратно, короткая остановка в Рош Пине - неплохой ночной эспрессо в кафе с бильярдом... Когда, вернувшись на базу, стали разгружать этот миномет вчетвером, то его массивная основа отделилась от ствола и грохнулась на землю, чудом не раздробив никому из нас ноги. Наутро обнаружилась цель этой ночной экспедиции: миномет был поставлен на небольшой площадке для построений у входа в столовую, рядом с флагом на флагштоке, выкрашенный серебряной краской в качестве декорации. Хотя он и валялся в поле без пользы и присмотра, на нем был номер, выбитый израильской трофейной командой.... У меня осталось впечатление, что мы его попросту сперли. Для того и был проведен ночной налет.

Я демобилизовался в середине мая. До Войны Судного Дня, взорвавшей все, и выставившей на всенародный суд все пороки Армии и Нации, не выдержавших испытания Победой, оставалось пять месяцев. Оказалось, что все что мы наблюдали в микромире личного опыта, было еще более злокачественно в мире макро.

Еще один раз я встретился с Армией всего за месяц до того судьбоносного Йом Кипура. Уже в рамках резервистской службы нас призвали на трехдневные учения поблизости от развалин крепости крестоносцев Мигдал Цедек. Три дня в палатках с беготней и стрельбой на отрогах все тех же Ефремовых Гор. В соответствии с невысокой «группой качества», которую нам присвоили, нас определили для постоянной резервистской службы в самые заваливающие части - со сленговым названием «Хакаш», что является армейского типа аббревиатурой

словосочетания «Хейль Кшишим» - т.е. Стариковская Рать, обычно используемая для охраны всяких наземных объектов. Наша полевая миссия была охранять объекты Воздушных Сил - аэродромы, склады, ракетные установки. Большинство «стариков» были моего возраста, некоторые дотягивали до сорока - пятидесяти. На второй день учений был устроен «смотр войск» с участием командира полка. В процессе всеобщего раскаяния и самокритики, наступивших вслед за Йом Кипуром, особому обличению подверглись пижонские манеры, усвоенные высшим офицерством в угаре восторга от победы в Шестидневной Войне. Так вот, на этом смотре наш командир полка Стариковской Рати - пятидесятилетний полковник - продемонстрировал все эти, вскоре осужденные манеры, разом. Он совершил парадный въезд в открытом джипе, в темных очках, с эффектной блондинкой на заднем сидении, рядом с немецкой овчаркой, а когда соскочил с подножки джипа на землю, то под мышкой у него был стек - наподобие британским офицерам эпохи Мандата.

В процессе освоения уроков Войны, наступил момент, когда, уже в 1976, на наши учения в составе Стариковской Рати приехал начальник генерального штаба, Мордехай Гур, взявший на себя перестройку армии, увидел немало молодых и

нехилых ребят, забракованных в Хакаш, и еще через месяц я получил повестку на 41-дневный курс переквалификации в броне пехоту.

Тут был случай увидеть, как перестраивается Армия. Наша ново сформированная рота получила командира и зам командира роты - молодых майора и лейтенанта (мем-пей и самех-мем-пей). Оба были с академическим образованием и серьезным боевым опытом. Познакомившись с нами, они пришли в ужас, потребовали от начальства по четыре учения в год, и в процессе первого - второго вышвырнули из роты всю около-уголовную и слабо-ментальную составляющие. Стиль их командования резко отличался от того, к которому мы успели привыкнуть. Вместо: ты, ты и ты, марш на склад боеприпасов и принесите ....., самех-мем-пей прыгает первым в траншею с боеприпасами: пособи́те, ребята.... В 1982 при вторжении в Ливан рота участвовала в боевых действиях наравне с другими частями.

Это была другая Армия.

Были еще разные эпизоды за мои двадцать два года резервистской службы. Армия продолжала знакомить меня со Страной и вокруг: Синай, кораллы и разноцветные рыбы в Красном Море, Голаны, Иорданская Долина, Озеро Кар'ун в Ливане. Посредством Армии мне привелось встретить Народ Израиля - ребят из всех социальных, этнических, религиозных, профессиональных групп и слоев. Личное мое отношение к Армии осталось таким, с которым начал, усвоив от отца, и передав дочке - майору медицинской службы: армия - это дерьмо, а когда нет - это счастливое исключение, используйте с толком.

Вот уже двадцать пять лет в Армии не служу и сужу понаслышке.

Внимательно прислушиваюсь к мнению некоторых офицеров высокого ранга в отставке, которых тревожат определенные процессы, происходящие в Армии в последние годы.

Макаббим, Август 2019.

Присяга

Подписано Яковом Дори,
первым начальником Генерального Штаба 27.6.1948